

1667 г. официально мотивировали свое осуждение прежних установлений Стоглавого собора (1551 г.) тем, что они были приняты якобы «простою и невежеством ... зане той Макарий митрополит, и иже с ним, мудрствоваша невежеством своим безразсудно».¹⁵⁵

Эта аристократическо-пренебрежительная позиция руководителей церкви по отношению к отечественной церковной традиции и, одновременно, по отношению к расколу была блестяще использована Аввакумом, для того чтобы полемически противопоставить ей свою демократическую позицию «обличителя», укрепив ее не только ссылками на авторитет русских святых, но и на непререкаемый для того времени авторитет «писания». Аввакум получил возможность прямо применить к себе слова легендарного апостола Павла о том, что он «невежда словом, но не разумом» (67).¹⁵⁶ Сознательно присваивая себе обращенные против него и других вождей раскола суждения князей церкви как о людях «простых» и «некнижных», Аввакум подразумевал всем известную в его время христианскую легенду о том, что древние апостолы точно также осуждались израильскими первосвященниками и светской знатью, считавшими, в частности, апостола Петра, «яко человека некнижна еста и проста»¹⁵⁷

На этой основе все те качества и признаки, которые применялись князьями церкви к расколу как к народному движению и казались им весьма унижительными, Аввакум провозгласил своими основными достоинствами. Он писал о себе: «Не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум Христов в себе имам» (67). С другой же стороны, имея в виду своих идейных противников, Аввакум считал, что «ритор и философ не может быть христианин» (547). Эта идейно-полемическая позиция Аввакума определила и его литературно-эстетическую позицию. Возводя в один из принципов своей веры «простоту» и кажущуюся «некнижность», Аввакум начал активную борьбу за милый его сердцу и всей его демократической читательской аудитории «русской природной язык» (151) и «просторечие» (151), против «красноречия» (151) и «многогоречия красных слов» (821). Это свидетельствовало о свойственном ему и совершенно новом для древнерусской литературы представлении о народной речи как литературно-эстетической норме. Такое представление появилось у Аввакума как прямое следствие и ответвление его многолетней борьбы с идеологами господствующей церкви, которые при помощи принесенного с Запада школьно-церковного «витийства» старались оттеснить «неуков» и «мужиков» от участия в обсуждении идеологических проблем своего времени.

Изученные материалы показывают, что пятнадцатилетняя история борьбы с расколом (1667—1682 гг.), а отчасти и последующий за ней период до конца XVIII в., по мере демократизации этого движения привела его противников к необходимости пополнить свои первоначальные представления о раскольниках как о богословах-«невеждах» суждениями о них как о «мужиках», дерзнувших открыто противопоставить свои взгляды и стремления установлениям царской и церковной власти. В ходе этой борьбы происходило постепенное раскрытие окутывавшей ее идеологию «религиозной оболочки», сопровождавшееся вытеснением понятий бого-

¹⁵⁵ Материалы, т II М, 1876, стр 221

¹⁵⁶ См второе послание апостола Павла коринфянам, XI, 6

¹⁵⁷ Деяния апостолов, IV, 13